

**ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ**

2

1969

Дискуссия по проблемам этики между советскими и британскими философами

С 21 сентября по 4 октября 1968 года группа советских философов¹ была в Англии, где участвовала в дискуссиях по проблемам философии морали. Поездка была организована совместно Союзом обществ «Дружба» и Обществом друзей (квакеров) в Англии. Британское Общество друзей (председатель Уильям Бартон, секретарь по европейским делам Алан Дэвис) давно осуществляет разнообразную программу международных культурных связей и личных контактов. Последним квакеры придают особое значение в деле взаимного понимания между народами. Однако встреча философов двух наших стран проводилась впервые.

Согласно предварительной программе, в загородном профсоюзном клубе — бывшем замке недалеко от Ист-Гринстада (Южная Англия) — в течение пяти дней проходила дискуссия с британскими преподавателями философии. Это были Дэвид Белл (Глазго), Джон Бенсон (Йорк), Колвин Уильямсон (Суонси) и Найджел Дауэр (Абердин). По приезде в Лондон советская группа разделилась. А. Ф. Шишкин, Л. Н. Митрохин и В. С. Нестеров поехали в Шотландию, где состоялись встречи с философами Глазго и Эдинбурга. Ю. К. Мельвиль и автор этих строк были поставлены перед неожиданным фактом: оксфордские профессора, пригласившие ранее нас, в последний момент отменили свое приглашение, сославшись на обострившуюся политическую ситуацию в Европе. Выслушав искренние сожаления наших английских коллег — участников дискуссии и их критические замечания по поводу неразумного решения Оксфорда, мы воспользовались приглашением Дж. Бенсона посетить Йорк и его дом, где были приняты с большим радушием.

Так вместо Оксфорда мы побывали в одном из самых новых университетов, живописно расположившемся близ средневекового города с древнейшими архитектурными памятниками, и, кроме того, посетили университет Лидса. Затем мы вновь пересекли страну с севера на юг и оказались в Брайтоне, близ которого совсем недавно выстроен университет Сассекса. В это время трое других членов нашей группы, вернувшись из Шотландии, уже проводили беседы с преподавателями Лондонского университета и с теми оксфордцами, которые вопреки решению своего университета пожелали встретиться с советскими философами. Среди тех, кто выразил несогласие с отказом своего университета принять нас, был один из самых известных английских философов, Элфрид Айер. Он пригласил двух членов нашей группы, не попавших в Оксфорд, посетить его дом в Лондоне.

Встреч и дискуссий, заранее намеченных и возникших стихийно, было более чем достаточно. Программа была загружена до предела. Наши кратковременные наезды в университеты имели неизбежный недостаток: двух-трехчасовая беседа со стихийно развертывающейся тематикой и с чрезмерным количеством вопросов, которые хотелось обсудить философам, встречающимся впервые, оставляла у собеседников впечатление недоговоренности и взаимной недопонятости. И все же эти беседы как бы продолжали разговор, начатый в профсоюзном клубе под Ист-Гринстадом. При всех индивидуальных различиях британские философы за небольшим исключением говорили о чем-то весьма сходном и, не зная того, часто повторяли друг друга. Причины такого единомыслия коренятся в философском климате страны.

Сейчас уже многие философы Англии высказывают свое критическое отношение к лингвистической этике, но эта пока еще влиятельная школа довлеет над умами даже тех, кто от нее отрекается: не только терминология и язык, но и способ

¹ В нее входили: А. Ф. Шишкин, Ю. К. Мельвиль, Л. Н. Митрохин и О. Г. Дробницкий. Возглавлял делегацию председатель советского общества «СССР—Великобритания» В. С. Нестеров.

постановки и обсуждения проблем остаются в общем теми же. Своеобразное сочетание эмпиризма и формализма, рассмотрение широких мировоззренческих, социально-исторических и нравственных проблем под микроскопом логико-языкового анализа, сведение общетеоретических проблем к казуистике гипотетических житейских примеров, а конкретных вопросов к вопросам о самих вопросах — все это образует стойкую традицию британского философского мышления. Мы неплохо представляли себе состояние британской этической мысли — факт, заверенный свидетельством наших английских коллег. Неожиданным для нас оказалось то, с какой настойчивостью вновь и вновь воскрешались доводы и соображения, уже высказанные кем-то в прошлом и знакомые нам из английской литературы.

Никто из нас не строил себе иллюзий: совместное обсуждение проблем с представителями принципиально иного мировоззрения не сулило скорого согласия по кардинальным вопросам этики. Мы, конечно, не предполагали переубедить английских философов и склонить их к принятию марксизма. Наш замысел был куда более скромным: раскрыть перед нашими коллегами содержание основных положений марксистской этики, показать преимущества нашей методологии и способа постановки проблем, вовлечь английских оппонентов в дискуссию, в ходе которой марксистская философия морали предстала бы перед ними как содержательная и заслуживающая внимания альтернатива формализму и субъективизму лингвистической метаэтики. В известной мере, как нам кажется, эту задачу удалось выполнить. Кое-чему научились и мы сами.

При всем нашем отрицательном отношении к формализму как таковому мы вынуждены были признаться себе, что не всегда четко различали формалистику как философскую позицию, исключая рассмотрение содержательных проблем этики, и формальный анализ понятий морали как «технологии» теоретического рассуждения. Обычно практикуемые в нашей этике способы рассуждения нуждаются в гораздо большей степени точности; необходимо внимание к тем самым формальным и логическим вопросам, игнорирование которых часто приводит к расплывчатости излагаемой позиции и к смешению разнопорядковых проблем. И другой урок. Одно дело критически анализировать немарксистские теории и излагать марксистское учение перед советской аудиторией, другое — вести спор непосредственно с представителями иного мировоззрения. Очевидное для нас кажется этим людям весьма спорным, наши основоположения выступают для них как

гипотезы, нуждающиеся в проверке. Но спор есть спор, и никто не может навязать другим свои исходные принципы. Разумеется, прямой диалог труднее критического монолога, обращенного к отсутствующему оппоненту, который даже не всегда знает, что его критикуют. Но в этом же и преимущество двустороннего обмена мнениями: каждая из спорящих сторон волей-неволей должна применять аргументы, не утрачивающие своего смыслового значения при переводе на иной философский язык.

Такой обмен мнениями тем полезнее, что о марксистской философии, а тем более о марксистской этике в Англии знают очень мало, чаще всего из сомнительных источников. Когда тот или иной британский автор выдвигает свою концепцию в противовес уже существующим теориям или делает обзор имеющихся на Западе этических школ, он считает себя вправе обойти молчанием марксизм. Но есть и другая сторона дела: те немногие советские работы по философии, которые переведены на английский язык, далеко не всегда представляют нашу теорию в выгодном свете. Если же говорить об этических работах, издаваемых у нас, то трудно выбрать что-либо для перевода: они, как правило, совершенно не учитывают современную проблематику и дискуссии, развернувшиеся в XX веке на Западе, не говоря уже о том, что по своему теоретическому уровню эти работы оставляют желать лучшего. Думается, что нашу современную философскую мысль мог бы достойно представлять журнал «Вопросы философии». Но чтобы получить доступ к широкому читателю за рубежом, он должен переводиться по крайней мере на английский язык, на котором читает большинство философов стран Запада.

О чем были наши дискуссии в Англии? Дискутируемых проблем было много, назову самые важные: выбор и обоснование моральной позиции в современном мире, нравственная ответственность и совесть личности, взаимоотношение между этикой и моралью, нравственное воспитание человека. Главной темой обсуждения и предметом нескончаемых споров явился вопрос о возможности объективного обоснования моральных ценностей, идеалов и принципов. И это не случайно. В силу ряда общих социально-исторических причин этот вопрос стал одним из центральных в современной теории морали, равно в советской этике и в британской метаэтике. Он включает целый комплекс кардинальных проблем. Могут ли полагаемые людьми цели, избираемые ими идеалы и ценности быть обоснованы с помощью объективного знания о человеке и его соци-

альном мире? Возможно ли, опираясь на свидетельства исторического опыта и научные данные, доказать правомерность одних и несостоятельность других нравственных принципов? Если противоположные моральные позиции в современном мире выражают интересы и устремления различных социальных групп и обществ (что отнюдь не оспаривается английскими философами), то можно ли оценивать те и другие при помощи единых критериев, показать историческую оправданность и перспективность одних и противоречие с требованиями истинной человечности других?

В общем позицию наших оппонентов, несмотря на вариации их индивидуальных убеждений, по всем этим вопросам можно охарактеризовать как субъективистскую и скептическую. (Характеристики эти, кстати, были впервые употреблены в дискуссии не нами, а ими самими.) Моральные суждения, высказывания долженствования и ценности, по их мнению, не могут быть обоснованы с помощью социальных фактов, посредством их научного анализа, признания закономерностей исторического развития. Противное допущение (то есть наша, марксистская позиция) приводит, на их взгляд, к следующим трудностям: выведение идеалов из объективных законов истории означало бы лишение человека свободы выбора. Они полагают, что если социально-историческими обстоятельствами можно объяснить происхождение тех или иных идеалов, причины их популярности у тех или иных социальных групп, то это объяснение еще не есть оправдание (ценностное обоснование) этих идеалов. Далее. Чтобы доказать, что социально-исторические законы являются основанием и проверкой правомерности тех или иных ценностей, надо показать, что сами эти законы содержат в себе ценность. Иначе говоря, если история означает некоторый прогресс, то для установления этой нарастающей ценности социального бытия необходимо иметь критерий оценки, логически предшествующий анализу истории. Отсюда делался вывод, что в основе социально-исторической теории, претендующей на научное обоснование моральных идеалов, должны лежать ценностные предпосылки.

Исторические экскурсы, свидетельства общечеловеческого опыта, обращение к реальности социального развития, показывающие, как из объективной общественной необходимости и закономерно развертывающихся потребностей человеческого общества и личности вырастают нравственные идеалы, представлялись малоубедительными нашим оппонентам. А есть ли тут логическая связь? И откуда мы знаем, что обусловленное историей имеет положительное ценностное значение? Мы стреми-

лись показать, что нет смысла искать вне-исторические критерии оценки, так как все вопросы о ценностях возникают только в рамках исторического развития человечества и эти вопросы скрывают за собой реальные социальные проблемы. Признать историческую необходимость данной социальной действительности — еще не значит быть ее апологетом. Свобода морального выбора и нравственная критика существующего имеют оправдание в том, что всякая социальная действительность противоречива: есть факты, начинающие исторически изживать себя, и есть тенденции, открывающие возможность исторического творчества. Но звучит ли это убедительно для «обычного человека», возражали нам, будет ли он обосновывать свой выбор апелляциями к исторической необходимости?

Мы стремились разъяснить нашим коллегам, что следует различать уровни рассуждения: одно дело — обыденная аргументация индивида, другое — теоретическое выведение и обоснование моральной позиции, которую можно признать правомерной. Особенности первой занимается психология, логикой второй занимается этика. Это и есть то различие между фактологическим объяснением и теоретическим обоснованием, которого добиваются наши оппоненты. В первом случае могут оказать решающее влияние условия воспитания, привычки, склонности, окружающая среда. В этом плане индивид еще не обнаруживает свою свободу выбора. Во втором случае, поскольку индивид становится способным рационально обосновывать свои убеждения, избирать их иногда вопреки давлению окружающих его фактов быта и среды, заявлять о своей приверженности к прогрессивному делу человечества, он и проявляет свою свободу моральной личности.

И снова выдвигаются доводы, размывающие почву и основу предметного суждения. А что, если кто-либо не пожелает признать интересы человечества и будет последовательно проводить принцип эгоизма и человеконенавистничества? Какими моральными аргументами можно было бы переубедить такого индивида? Мы отвечаем, что такой человек просто ставит себя вне морали. Ведь нравственность — это порождение общества; она выполняет функции, делающие возможным человеческое общежитие, то есть в принципе исключает позицию абсолютного эгоизма, несмотря на все различия имеющихся в истории моральных систем. В нравственности существуют некоторые предельно общие «постулаты» (принципы сочувствия и взаимопомощи, служения людям, ограничения безусловного эгоизма и др.), сконденсировавшие в себе многовековой опыт истории

общества. Встать на точку зрения морали — значит принять такие «постулаты». Возможны, конечно, случаи, когда кем-то отрицается обязательность таких принципов, но это уже не логика «особой морали» индивида, а просто отрицание всякого закона нравственности как таковой.

Вспоминаются наши обсуждения проблемы совести. Имеет ли точка зрения личной совести известные объективные основания? Субъективистское решение вопроса было сформулировано следующим образом: нет принципиальной разницы между утверждениями «Я убежден, что должен поступить так-то» и «Я убежден, что мое убеждение в правильности выбираемого поступка истинно». Совесть, отвечали мы, не есть простая убежденность в своей правоте. Напротив, она предполагает прежде всего критическое отношение к своим поступкам и убеждениям. Конечно, любое убеждение может оказаться ошибочным; в границах психологической самодостовренности нет гарантий и критериев для объективной правомерности. Но под совестью, с нашей точки зрения, следует понимать нечто иное — способность индивида выйти за свои пределы как частного лица, в своей субъективности выразить позицию человечества, подлинной нравственности.

Но кто же будет судить об этом, спрашивают нас, — другие, общество? Тогда, значит, моральную проблему решает не совесть, а общественное мнение. Нам приходится возвращаться к началному пункту. Если совесть есть определенного рода нравственная способность личности, то в самом моральном сознании должны существовать какие-то средства личностного решения проблемы. Этими средствами могут быть известная логика рассуждения, понятийный аппарат и критерии проверки. А эти логические средства могут быть выработаны только в процессе исторического развития морали, вбирающей в себя практический опыт человечества. Стало быть, вопрос об объективных основаниях совести более конкретно должен рассматриваться в плане анализа логики морального сознания. Разговор поэтому должен быть более предметным и детальным.

Но тогда, когда нам казалось, что взаимная аргументация наконец-то приходит к какому-то общему знаменателю, на основе которого возможно более конкретное обсуждение проблем, выдвигается довод: вся история человечества отнюдь не является априорным фактом, так что ссылаться на нее в теоретических рассуждениях не следует. Помните, подобного рода аргументы выдвигались и во время наших встреч в университетах: что было бы, если бы генетический код наследственности человека был принципиально иным в ре-

зультате космической катастрофы? Что случилось бы тогда с историческими законами? Признаюсь, что с такими катастрофически-космическими аргументами спорить трудно и, как нам представлялось, бессмысленно.

Не всегда, конечно, наши дискуссии заходили в тупик, кое в чем мы приходили к согласию. По некоторым вопросам морального воспитания были достигнуты какие-то общие позиции. Собственно и специфически нравственное воспитание личности должно, например, научить человека самостоятельно, опираясь на свой собственный и воспринятый от общества опыт, судить обо всем происходящем в мире, свободно избирать свою личную позицию и последовательно проводить ее, вопреки случайностям внешнего окружения, психологического давления со стороны и понуждения голой силы. (Замечу, что все это плохо согласовалось с субъективистской интерпретацией совести.)

Нашими английскими коллегами были высказаны признания относительно пробужденного у них интереса к марксистской этике, а также о ряде ее теоретических достоинств. Один из британских участников дискуссии заявил о том, что марксистскую философию выгодно отличает от господствующей в Британии традиции внимание к широким социально-историческим проблемам. У нас создалось впечатление, что обсуждение при всей его незавершенности оставило определенный след в сознании наших английских коллег и, по крайней мере, зародило у них смутное сомнение в исключительной научности той теории, которая ими исповедуется. Наконец, было достигнуто определенное взаимопонимание, без которого невозможны плодотворный обмен мнениями и подлинная борьба убеждений.

Все это говорит о том, что наша поездка была бесполезной. Такого рода контакты следует развивать в дальнейшем. Проведенная встреча имела пробный, можно сказать, экспериментальный характер. Опыт показал, что двусторонние семинары с ограниченным числом участников, посвященные одной или нескольким взаимосвязанным проблемам, имеют свои преимущества перед широкими многосторонними форумами. (Трое из нас по своему личному опыту могли сравнить эту дискуссию с XIV Международным философским конгрессом, закончившимся всего лишь за две недели до того.) В нынешнем году четверо английских философов, занимающихся проблемами морали, приедут в Советский Союз. Мы ожидаем от будущей встречи новых плодотворных результатов. Сейчас же мы, участники поездки, хотели бы выразить глубокую благодарность Союзу об-

шеств «Дружба», в его рамках обществу «СССР — Великобритания», Обществу друзей в Англии, а также лично В. С. Нестерову, У. Бартону и А. Дэвису за то многое,

что они сделали, чтобы наша поездка в Англию оказалась возможной и плодотворной.

О. Г. ДРОБНИЦКИЙ